

СКУЧНО

Мелкий осенний дождь лил, не переставая, шестые сутки.

Серые тяжелые тучи, гонимые глухим порывистым ветром, низко пронеслись над черной землей, едва не цепляясь пухлым брюхом за макушки высоких посеревших тополей. Лишь изредка на плоском небосклоне появлялись едва заметные светлые проплешины, но, словно зоркий сторож, неутомимый ветер тотчас же перемешивал тучи, и небо снова превращалось в сплошное серое покрывало.

Меленькая, семидесяти домиков, деревня выглядела полностью вымершей. Раскинувшись единственной улицей с тесно прижавшимися друг к другу посеревшими от дождя домишками, селение не показывало никаких признаков жизни.

Узкая улица была труднопроходимой: попытка вырасти весной травка так и не смогла подняться от земли – после первых же дождей она колесами машин и гусеницами тракторов была вдавлена в землю, растоптана. И теперь, после долгих дождей, улица представляла собой сплошное вязкое болото.

К полудню небо немного просветлело, дождик немного поумерил свой пыл, и сразу же ожила деревня – где-то закукарекал петух, во дворах стали раздаваться людские голоса, а с полей стали доноситься редкие мычания пасущихся коров.

Юрка Суворов, сорокалетний одноглазый мужик, прозванный Кутузовым, занимавший две важные государственные должности – сельского почтальона и киномеханика, а потому пользовавшийся у сельчан высоким заслуженным авторитетом, медленно вышел из дома. С трудом вытаскивая из грязи резиновые сапоги, он вышел на улицу и закурил.

Докурив сигарету, он смахнул с лица капли дождя и неуклюже, словно пингвин, с трудом переставляя ноги, побрел в конец деревни, к конюшне.

Он открыл дверь помещения, отбросил за голову капюшон плаща и присел на телегу. В душе он проклинал этот нудный дождь, но еще больше он злился на себя, на свою скромность. Ведь всего-то четыре дня назад он возил в районный городишко почту и привез всего-навсего две кинокартины. Да если бы он знал, что дождливая погода установится на столько дней, он смог бы уговорить своего начальника Петровича выдать ему хотя бы пять кинолент. “И не пришлось бы сейчас мочить свою задницу”, – выругался про себя Кутузов.

Он сапогом раздавил окурок и, не обращая внимания на моросивший дождь, запряг старого мерина в телегу, бросил в нее почтовую сумку.

Лошадь медленно потащила повозку по деревне.

- Тпру, стоять, я сказал! – Юрка остановил у столба лошадь, слез с телеги и направился к висевшему на нем почтовому ящику. Но писем в нем не было, да и кто мог их писать?

Повозка дотащила до одиноко стоящего в центре деревни небольшого клуба. Кутузов привязал мерина к столбу у входа в помещение, и стал выносить из кинобудки коробки с кинолентами. Потом он открыл висячий замок на двери клуба. Он знал, что в такую неприветливую погоду для мужиков это было самым лучшим местом, где они могли бы скрыться от глаз своих, нудных в такую погоду, жен.

Покачиваясь из стороны в сторону, почтовый дилижанс взял верный курс в Новореченск.

Николай Бабурин, привыкший во время уборки зерновых спать не более пяти часов в сутки, от безделья не знал, чем себя занять. Он принес воды из колодца, постоял на крыльце дома, выкурил несколько папирос.

- Люба, что еще сделать? – спросил он жену, которая копошилась в доме.

- А ты что, сам не знаешь, чем заняться? Пошел бы дров нарубил. Чай, зимой пригодятся, – вяло ответила жена из дома.

- Да дров на три зимы хватит, - почему-то разозлился Николай. - Вчера я чем весь день занимался?

- Калитку отремонтируй, совсем на бок присела, - съязвила Люба.

- Николай, привет! - подал голос проходивший мимо сосед Владимир Щуров. - Ты опять жену не слушаешься? Брось ты дурное дело, пошли со мной.

-Куда?

- В клуб, в домино играть.

- Люб, так я того, в клубик схожу? - обратился Николай к жене.

- К ужину приходи без опозданий.

А тем временем в клубе собралось много мужиков.

Гонимые из дома скукой и ценными указаниями жен, они, сбросив мокрые плащи на спинки стульев, толпились возле двух стоявших на сцене столов, покрытых покрывалами зеленого цвета, щелкали семечки и дружно комментировали игру. Детишки дошкольного возраста без усталости шныряли под ногами у взрослых.

- Рыба! - раздалось в тот момент, когда Владимир с Николаем вошли в помещение.

- Кто следующий? - вопрошал счастливый победитель.

- Считай, соколик, очечки, - Николай подошел к мужику, сидевшему за столом с костяшками в руках. - Так, двадцать три, сорок восемь, шестьдесят восемь, девяносто шесть. Все, вылезайте, козлы!

Проигравшие мужики нехотя освобождали рабочие места.

- Коля-Володя - чемпионы! - проорал Николай, сбросив мокрый плащ на спинку стула, и жестом пригласив Владимира за стол. - Мешай!

Владимир ребром ладони смахнул с губ висевшую длинной цепью семечную шелуху, снял плащ и плечом подтолкнул медленно вылезавшего из-за стола проигравшего мужика:

- Учись играть у мастеров, капуста квашенная! Морской?

- Конечно, так быстрее, - подал голос один из победителей.

- Морской, так морской, - согласился Николай. - Мы люди не гордые.

Постепенно в клубе собралось практически все мужское население деревни. Щелкая семечки и изредка выкрикивая едкие замечания в адрес игроков, они привносили в игру азарт и оживление.

- Вот так рыбу делают! - Николай с грохотом ударил костяшкой по столу. - Учитесь, люди степные!

Но на этот раз Николаю с Владимиром не повезло - они проиграли.

- Пойдем на воздух без очереди озону хватнем, - пригласил партнера Владимир.

- Мы на следующего, - застолбил очередь Николай.

- Не люблю я такую погоду, - сказал Владимир, когда он и Николай вышли на крыльцо клуба. - Вроде как живого тебя в воду опустили.

- Да, хорошего в таком безобразии мало, - согласился Николай. - Вот бы душу винишком побаловать.

- Много вы понимаете в жизни, - подал скрипучий голос подошедший щупленький дед Чалдон в длинном плаще, полностью закрывавшим резиновые сапоги. - Радоваться жизни надо, а они тоску снуют, нехристи. Дождь, он - чего? Он скоро закончится, понимать надо. А для природы он жутко потребный.

- Ты бы, синоптик, помолчал в кругу людей, дождем замученных, - повернулся к нему Николай. - Курить будешь?

- Я вашу гадость не употребляю, потому как ежечасно забочусь о своем здоровье.

Старик поднялся на крыльцо клуба, вытащил из ватных штанов кисет с махоркой и аккуратно сложенную пожелтевшую газету. Свернул самокрутку и закурил, выпустив большое пятно едкого дыма.

- Отойди подальше, а не то угробишь нас своим самосадам, - повернулся к нему Николай. - И где ты такую отраву берешь?

- Мое курево нормального человека отрезвляет и полностью снимает излишние внутренние наросты, чем способствует моему крепкому здоровью, потому как табачок выращен мною с любовью и лаской, - медленно произнес Чалдон, игриво поглядывая на мужиков.

- Дед, не раздражай меня без надобности, - зло сказал Николай и подошел к старику вплотную. – Если просят тебя не курить твою отраву рядом с почтенными людьми, то, пожалуйста, будь любезен, отойди в сторонку и не порть климат атмосферный вблизи нас. Или что – то не понял?

- Ты не суетись, паренек, - миролюбиво ответил старик. – Смотри на жизнь веселыми глазами.

Чалдон все – таки нехотя спустился с крыльца клуба.

Беззвучно планируя, большая ворона подлетела к клубу и уселась на столбе. Расположившись поудобнее, она стала внимательно посматривать на мужиков.

- Тебе чего, кума? – спросил ее старик. – Или спросить чего хочешь?

Но ворона ничего не ответила. Взмахнув крыльями, она неслышно полетела вдоль деревни.

- Kom zum mir. Zuruk! Gehen zuruk! – закричал ей вслед старик, размахивая руками.

- Совсем старый одурел, - засмеялся Николай. – С воробьями готов калякать!

- А с кем же мне еще об изящных искусствах и науках головку умную напрягать? Не с вами же, обалдуями. Да знаешь ли ты, Николай, что нельзя мед в деревянной бочке долго хранить?

- Мед надо ложками есть, а не хранить, - ответил Владимир. – Тащи свою бочку с медом ко мне домой. Посмотришь, как мне удастся сохранить его до весны.

Старик обиженно молчал, стоя под дождем.

- Поднимайся на крыльцо, старая немецкая училка, - предложил ему Владимир. – Зачем понапрасну под дождем мокнуть?

Старик выбросил окурочек и поднялся на крыльцо клуба.

- С нами по - импортному прошу не разговаривать, - повернувшись к старику, сказал Николай. – Нечего свою просвещенность изъяснять птичьими манерами.

- Ты не суетись, паренек, - заглядывая снизу в глаза Николаю, сказал дед. - Скажи, отрок молодой, кто, доходчиво и фигурально выражаясь, рентгеновские лучи изобрел?

- Рентген и изобрел, - опешил от странного вопроса Николай. - С чего это тебя в науку потянуло?

- А вот и фига тебе, соколик. Молод ты еще душою, валенок, и глуп к тому же, чтобы ученость такую познать.

- Ну и кто их придумал? – зло спросил Николай. - Да в твою жизнь и понятий таких не было!

- Не с лица тебе, хоть и шалопаю по натуре, дурные слова потоком произносить, - обиделся дед. – Особливо при честном народе.

- Ну прости нас, прости. Сам видишь, на душе муторно. Семечек хошь? - миролюбиво предложил Владимир.

Чалдон подошел к Николаю и, глядя ему в глаза, сказал:

- Быть охальником тебе не резон, малый ты вроде не глупый, а вот к старшим почтения не оказываешь. Нехорошо, и это видит вся ближайшая елань.

- Ну прости нас, старче, прости. Семечек хошь? – снова спросил Владимир.

- Оно ведь как бывает в жизни? - продолжил мысль старик, закрыв глаза и подняв к небу морщинистое лицо. - Ласковый теленок двух маток сосет. Как пить дать. Да, двоих сосет.

- Ты это к чему? - удивился Владимир. - Ну скажи, кто эти лучи заморские придумал?

- Рентген и придумал. Немец умный, - медленно произнес Николай, сплюнув в сторону семечную шелуху.

- Это в книгах так пишут, - по слогам жестко произнес фразу дед. - Эти лучи изобрел великий русский полководец, вот только я фамилию его, как бы поточнее для вас, неучей, выразиться. По глубокой интуиции, что ли, мимолетно забыл. Не могу вот так, с разбегу, в запасниках просветленной головы своей имя его редкое выщедить.

- Давай, давай, мели, Емеля, твоя неделя, - не удержался от замечания Николай.

- Я знаю, что изрекаю, а ты, отрок несуразный, людей умных слухай чрез уши свои ослиные да пухни пустой головой от учености пользительной. Может быть, со временем и станешь мудреным человеком, - рассердился Чалдон.

- Ну что вы распетушилились? - вмешался в спор Владимир. - Гутарь свою мысль, гений наш местный.

- Рентгеновские лучи изобрел русский полководец, служивший при Иване Грозном. Храбрый был, в бою ему равных не было. Да и умишком его бог не обидел. Как - то раз покорил он со своим войском город славный, царство ханское. Прямо надо сказать, славная была кампания, хоть и много жизней унесла. Сколько конкретно - не помню, без меня было это дело. Стали отважные воины Ивана Грозного теснить войско вражье, уж победа близка, да донесли полководцу нашему, что жена его, писаная красавица, утexas на стороне ищет. О чести фамильной позабыла, поганец. Разбил полчища вражьи наш полководец, на боевого коня верхом вскочил. Стараясь, по возможности, конечно, на кобылке держаться лицом в сторону движения, да галопом в дом отчий поскакал. Много коней загнал, много рек переплыл, оврагов много стороной миновал, но домой вскорости добрался. Вытащил меч булатный из ножен и к жене с грозным вопросом: "Это ты так мужа своего ненаглядного грустишь?! Пока я там кровушку свою проливаю, ты в утexas жизнь свою проводишь?!"

Белугой завывала лебедушка белая, в ноги к мужу бросилась:

"Да что такое говоришь, муж мой ненаглядный? Да дни и ноги Бога я молила за жизнь твою и успехи воинские на благо царя нашего! - отвечает жена. - Да нет в государстве нашем жены, меня вернее!"

"Ты мне сказки не гутарь, я тебя насквозь вижу, - грозно молвил полководец. - Я насквозь тебя вижу!"

Вот так и были изобретены лучи рентгеновские, отроки мои молодые, - тихо закончил монолог дед Чалдон с достоинством и снисходительно посмотрел на мужиков.

- А почему лучи рентгеновскими называются? - спросил Владимир, незаметно подмигнув Николаю.

- Потому как фамилия того полководца Иван Рентгенов была! Понял, коза рыжая? - раздраженно ответил старик.

- Ладно, дед, не обижайся на нас, - словно за что - то извиняясь, произнес Владимир. - А сказки брехать ты шибко умеешь.

- На том и стоим на земле нашей, - зарделся лицом старик. - Ученость мудрую в поколения подрастающие должны люди просвещенные внедрять. А как же иначе? Вот вы че можете грядущим поколениям вразумительного сообщить, пример какой натурально изобразить?

- Дед, ты меня уморил. Отойди подальше, а то ненароком душу твою с телом разлучу, - зло проговорил Николай, сжав кулаки.

- Слушай, старик, помолчи. И вправду утомил, - согласился Владимир.

- Я полста лет живу с лебедушкой своей, Варварой Петровной, душа в душу. А Лукерья, Лушка ваша, так эта особа мне неизвестна! А ежели хотите, чтобы ученость ваша с крутого небосклона почетной доской просвещенной пастве и православным атеистам в трудные минуты жизни правильный путь озаряла, то ежевечерня перед сном надо Гоголя читать. Желательно, в подлиннике, с подробными подсказками и примечаниями.

- Гоголя, - не удержался от замечания Владимир.

- Сам ты моголь, кулик болотный. Я ему про вселенного гения в крутом философском понимании второй час талдычу, а он меня в Диканьку, к патрубку Вакуле галушки со сметаной жрать приглашает, - возмутился старик и смачно сплюнул под ноги.

- Чего? - от удивления Николай раскрыл рот, из которого небольшим ручейком семечки посыпались. - Какая Диканька, какой Вакула?

- Это хутор такой в Украине, - снисходительно произнес дед. – Чуток южнее Харькова. А без письменного приглашения в гости не ходят. Что мы, разве татары какие или нехристи другие? Может, патрубок животом на печи холодной пучится, а мы, «на тебе», в гости пришли. И что скажем? «Здрасьте, я ваша тетя?» Да еще с пустыми руками. Понимать надо, чудики бесхвостые, что, к счастью, не при капитализме каком-нибудь живем, где человек человеку – волк с крутым оскалом. А что касемо речушки близ Диканьки, так ее мы совместно с трудовым народом анадясь в излучине перегородили, цементом залили - пущай теперь жидкость речная трудовому народу по проводам электричество для общей пользы ежеминутно гонит. Тем, у кого есть телевизор. Как у меня, например. Для новостей полезных и других культурных досугов.

- Чего, чего? - изумился Николай, вплотную подойдя к Чалдону. – Ты чего мелешь, козлик общипанный?

- Конечно, когда народ подвиги свершал, гидры разные строил для продолжения роду человеческого, ты, Николай, на дно морское канул. Четыре года на подводной лодке в антиахтическом океане хвостом вертел, все ждал, когда трудности людские закончатся. Поэтому ты, червяк, в полночь соленой воблой в голову укушенный, и не знаешь про Днепрогэсы наши. И как тебя Люба, голубица белотелая, чрез толщу морскую узрела да на крючок без наживки поймала? Уму непостижимо, что с людьми может в мирное время от безделья свершаться.

Старик покачал головой и отошел от мужиков.

Николай зло сверкнул глазами, но промолчал.

- Сразу видать, что не знаком ты с метафизической диалектикой, не знаком с программным трудом нашего товарища старшего, первого марксиста по фактической натуре и верного зачинателя бессмертного ленинского учения, - гордо заявил старичок, искоса издали поглядывая на Николая.

- Это с каким же таким программным трудом товарища Карла Маркса? – с интересом спросил Владимир.

- С его настольным романом “Как нам с помощью рабкриня реорганизовать мировой капитал”, - торжественно произнес Чалдон. – Рекомендую изредка перечитывать перед сном, чтобы не отставать от философии мирской жизни с учетом нашего счастливого бытия.

- Дед, любезно прошу тебя, свали отсель. Совсем утомил, даже голова распухла от дури твоей несусветной, - приблизился к деду Николай, сверкнув злыми глазами.

- И это вполне естественно, - отойдя на пару шагов в сторону, согласился старик. - Для прохождения в голову знаний, мудреных и в жизни полезных, страдать ежедневно надо. Особливо в присутствии свежего озона, который природой вырабатывается в дождливую погоду. Понимать надо, крючок гнутый. А как же иначе - в наше время да без потуг? Ишь, поганец, чего вздумал – портить воздух климатический без понимания сути текущего момента ...

Старик смолк, потеряв, судя по всему, глубокую философскую мысль.

Наступила неловкая пауза. Чалдон, искоса с опаской поглядывая на Николая, все же на всякий случай еще на шаг удалился от него и, размахивая руками, громко продолжил:

- Да знаешь ли ты, что в странах с туманными альбионами русские сказки законом запрещены? Крутой директивой, скажу тебе, мил человек. Как же, тридцать три года и три дня Емеля на печи лежал, голодая, а потом по - щучьему велению, не пообедав даже сытно и ножки белые не размяв, с нее вскочил да и вскорости всех супостатов порешил, перед схваткой даже водицы прохладной не испив. Большие сомнения у здравых народов по сему поводу возникают, дюже большие. Не про вас я речь ученую веду, я о людях с высоким интеллектом, серой массой в голове размещенном, чтобы изначально исключить противоречивые сумления в призрачном мире ...

Николай подскочил к деду, приподнял его за грудки:

- Если не скроешься с глаз моих, козел старый, полагаю, больно зашибу!

- Отпусти на землю, Христом прошу, - прохрипел дед. - Я с утраца стюдно тарелочку принял. Слышь, как по внутренностям моим он дорогу в темноте выбирает? Не бери грех на душу, отпусти. От имени всего просвещенного населения прошу тебя, верни на землю, не мешай плановому процессу моей питательности.

Николай опустил старика на землю.

- Пошел вон с глаз моих, - грозно пригрозил он старику кулаком.

Чтобы избежать возможного избиения старика, Владимир прищурил левый глаз и медленно подошел к Чалдону:

- А как ты, стручок желтый, собираешься на референдуме голосовать?

Старичок опешил – про такое мероприятие он не имел ни малейшего понятия.

Чтобы выиграть время, он спросил Владимира:

- А я должен принять в нем свое позитивное участие лично?

- Обязательно, - строго подтвердил Владимир.

- Повтори свой скабресный вопрос, потому как я без очков плохо слышу, - тихо попросил Чалдон.

- Для глухонемых и слепых повторяю, - по слогам громко сказал Владимир, подойдя к деду вплотную. - Как ты будешь голосовать двадцать третьего ноября сего года по вопросу объединения Нидерландов и Голландии в единое государство? Со столицей в Бейруте. Понял, телега ржавая?

Этот вопрос убил старика наповал: произнесенные слова были ему знакомы, но связать их в единое целое и выработать нужное решение он не мог. «Какой референдум? В мировой прессе об этом, вроде бы, ничего не отмечается, да и возле дома никто об этом не обсуждал. И в чем его каверзный вопрос?» Голова ходила кругом.

- И долго продуктивно молчать собираешься? – стал торопить с ответом Владимир.

- По этому вопросу мы с моей ненаглядной голубкой, Варварой Петровной, в настоящие дни обширные дискуссии разворачиваем, - тихо соврал дед, опустив глаза. – Особливо жаркие диспуты разворачиваем перед сном.

- И как долго трепаться вечерами собираетесь? – наседали Владимир.

- До получения полного консуса, - ответил Чалдон. – Еще чуток осталось. Самую малость, потому как мы приступаем к выработке единого заключительного соглашения, именуемого в широких народных массах обобщающим словом типа коммюнике.

Наступила тишина.

Чалдон медленно прошелся по крыльцу клуба, изредка поглядывая на мужиков. Потом быстро спросил Владимира:

- А без наших голосов, разве, никуда не деться?

- Нет, дед Игнатий, никак нельзя. Без твоего голоса Бейрут не соглашается быть столицей объединенного государства, - твердо ответил Владимир. – Сам понимать должен, голова садовая. В этом вопросе каждый гражданин планеты должен выразить свою позицию. В письменном виде. Чтобы потом не было каких – либо разночтений.

Чалдон стоял в полной растерянности, носком сапога ковыряя окурочек. Потом, громко шмыгнув носом, подскочил к Владимиру и ехидно спросил, заглядывая ему в глаза:

- А чей – то они вздумали соединиться? С целью какой и для пользы какой?

- Понимаешь, дед Игнатий, мужик ты умный. Можно сказать, самый начитанный в нашей деревне ...

- Да уж, не без этого, - перебил его старик. – Ты по сути говори, а не талдычь одно и то же об одном и том же широко известном историческом факте ...

- Ну так вот, - серьезно продолжил Владимир. – Ты спрашиваешь меня, зачем они хотят объединиться? С какой целью и для пользы какой? А ты сам посуди, дед Игнатий, что им еще остается делать?

- А что их так приспичило жениться? – коршуном налетел на Владимира старик. – Что за напасть такая их одолела?

- А все дело в том, что в последние годы в Нидерландах рождаются одни мальчики, а в Голландии – одни девочки, - тоскливо произнес Владимир. – Вымирают две страны. Что им остается делать?

- Это почему же так происходит? – грозно спросил старик. – По какой такой обобщенной причине?

- На современном этапе своего развития мировая наука пока не может дать точный ответ на твой вопрос, - со вздохом ответил Владимир. – Так, робкие предположения одни.

- Да, пока не может, - подтвердил Николай, смахнув в лица скупую слезу.

- Что так? – не унимался Чалдон. – Я человек просвещенный во многих научных аспектах, так что пойму ваши доводы. Говори яснее.

- Ученые предполагают, что всему виной тому или американские спутники – шпионы, или частые землетрясения, - медленно произнес Николай.

- Нет единого мнения в этом вопросе среди ученых, - согласился Владимир. – Так, лишь робкие предположения.

- А две страны тем временем вымирают, и никому до этого нет дела, - едва не плача, сказал Николай. – Черствыми стали люди. Даже на референдуме голосовать не хотят.

- В этих странах народ даже перестал грибы в лесах собирать, - со вздохом продолжил Владимир.

- Да, и на Новый год люди перестали солеными грибочками закусывать. Спиваются люди повсеместно из – за отсутствия столь любимого ими блюда, - опустив глаза, тихо сказал Николай. – Алкоголиками люди становятся.

- И женское население водочкой стало увлекаться, ничем не закусывая, - согласился Владимир. – И что ждет эти страны в дальнейшем?

- Вымрут обе нации, - предположил Николай. – К сожалению.

- Что так? – встрепенулся старичок.

- Потому как из – за повреждения в этих странах земных магнитных линий перестали работать компасы, - грубо сказал Владимир. – Где запад, где восток? Не понять. Ни утром, ни вечером. Вот и перестали люди ходить в леса и перелески за грибами. Боятся, что не смогут выбраться из лесов, запросто заблудиться и погибнуть могут.

- Такие случаи уже бывали многократно, - подтвердил Николай. – Гибнут людишки в лесах, а новые не рождаются. Я имею в виду, чтобы одновременно мальчики и девочки.

Чалдон медленно прохаживался мимо мужиков, изредка бросая на них косые взгляды.

- Ладно брешете, натурально, - сказал он, подойдя к Владимиру. Потом, покачив головой, сказал, глядя ему в глаза:

- Но ведь вынужденное объединение двух стран понизит уровень жизни отдельных слоев населения. В два раза понизит, как пить дать.

- Почему это? – опешил Владимир.

- Туповатые они все же люди, - вздохнул старик. – Впрочем, как и вы оба, суслики бесхвостые. Простых истин не понимаете, а туда же, в мировую экономику носы тычете, со старшими не посоветовавшись.

- Поясни твою мысль, дед Игнатий, - мягко попросил Владимир. – Может, мы что – то и не понимаем, потому как не всем дано глобально мыслить.

- При соединении двух стран жизненный уровень отдельных слоев населения упадет в два раза. Почему я так авторитетно заявляю? Да потому, что в два раза надо будет сократить количество президентов, премьер – министров, министров и прочих чиновников разного уровня, крепко стоящих у национального корыта. Теперь – то понимаете, горемыки?

- А мы об этом как – то не подумали, - горестно произнес Владимир.

- Вот что значит умная голова у деда Игнатия, - согласился Николай. – На все мировые процессы имеет свой просвещенный взгляд и объективную точку зрения.

- То – то, - заулыбался старичок. – Умная голова человеку нужна не только и не столько для того, чтобы жарким летом носить меховую шапку. Умная голова нужна человеку для того, чтобы правильно анализировать происходящие в мире процессы и делать глобальные выводы в нужном направлении. На благо широкого общества.

Чалдон с довольным видом снисходительно посмотрел на собеседников и снова подошел к Владимиру:

- Кстати, а как в этой ситуации ведет себя У Тан? Что он мировому народу советует? Какой пример показывает лично?

- Он в отпуск ушел. На охоту уехал. В сафари. На тигра рыжего охотиться. Распорядился, чтобы референдум без него проводили. Сказал, что после своего отпуска он все промежуточные решения утвердит. Как и итоги референдума.

- Это как же так?! – возмутился старик, взмахнув руками. – В глобальной ситуации ооновский начальник на второй план уходит, от персональной ответственности, нами на него возложенной, отворачивается! Лично направлю ему свое возмущение через наш сельсовет.

Чалдон смачно сплюнул через левое плечо и устремился к своему дому.

- Ты куда, дед Игнатий? – робко спросил его Владимир.

- Zum KeiSer gehen, потому как терпежа больше нет.

Он ворвался в дом, напугав сидевшую за столом в руках с книгой жену.

- Ты чего, Игнатий? – спросила она.

- Да газетку последнюю надо посчитать. Ты куда ее положила?

- В шкафчик положила. Там посмотри. Там должна лежать.

Старик так и сяк вертел газету «Сельская жизнь», пытаясь узнать, что же пишет мировая пресса в разрезе предстоящего референдума.

- Спасибо, дружище, - поблагодарил Николай своего друга. – Спас ты меня от беды. До чертиков надоел старик, этот гусь лжеученый. Едва до крови дело не довел. А лапшу ты ему на уши красиво набросил.

- Ты о референдуме? – улыбнулся Владимир. – А что еще оставалось делать? Противника надо бить его же оружием. Применительно к деду – словесной шелухой. Да, не будь меня ...

- То я его убил бы ...

- Вот к чему приводит глупое вечернее времяпровождение, - сказал Владимир. – Да, вот что с дедом сделал достоверно установленный факт.

- Какой факт? - спросил Николай.

- Да его Варвара всю жизнь отработала библиотекаршей, отсель и дурь его обширная видна. От книжек, никем, кроме него, в деревне не читанных.

- А вот и министр наш местный едет, газеты везет, - протяжно сказал Николай, показывая рукою на подъезжавшую подводу.

- Кутузов, что ли? - подал голос подошедший Чалдон.

- А кто же еще в столь дрянную погоду под дождем загорать любит? – засмеялся Владимир.

Юрка Суворов подъехал к клубу, прыгнул с телеги, размял затекшие ноги:

- Скучаем, орлы?

- Жирок нагуливаем, не в пример некоторым, - ответил Чалдон. - Какую шедевр на сей раз привез?

- “Героическую одиссею подводной лодки в южных степях Калмыкии”.

- Ты свою дурь на людях не выказывай, черт одноглазый, - почему-то обиделся дед. - Будь к обществу лицом.

- Помогли бы коробки перетаскать в кинобудку. А кино какое привез? Сегодня будет комедия “Волга-Волга”.

- Пойду старую пораду, уж очень любит она комедии глазеть, - старик заторопился домой.

- Иди, иди, на рентген проверь. Не загуляла ли твоя зазноба, пока ты тут байки тачаешь? - громко засмеялся Николай.

Втроем мужики быстро затащили коробки в кинобудку.

- А у тебя тут уютно, - удивился Николай.

- Да уж, не дурно, - согласился Юрка.

- Ну-ка дыхни сюда! - с прищуром в глазах предложил Кутузову Владимир. - Да ты никак стопочку на душу принял!

- И о вас не забыл, о людях низших кровей, - расплылся в улыбке Юрка. - И вам пузырек прикупил, дабы души ваши согреть вниманием моим жгучим.

Спустя мгновение на небольшом столике был изображен шикарный натюрморт: на "Сельской жизни" воцарилась толстая бутылка красного вина, именуемая в широких народных массах «гусыней», три яблока и три стакана.

- За бытие наше счастливое, - предложил Суворов.

- За дружескую взаимовыручку, - дополнил Николай.

- За здоровье виноделов, - присоединился Владимир.

Но радость Николая и Владимира оказалось не такой могучей, какой она представлялась им при виде полной "гусыни".

- И это все? - удивился Николай, когда бутылка была распита. - А как же жить дальше, во второй половине дня на трезвую голову при дождливой погоде?

- Больше, братишки, нету, - сказал, как отрезал, Юрка. - Если хотите добавить, то гоните в Новореченск, так винишко выбросили.

- Я вчера там был, но вина там никакого не было, - растерянно проговорил Николай. - Нет там никакого вина!

- Сегодня на радость людям подбросили, - продолжать гнуть свое Юрка. - Так и быть, есть еще два пузыря, но с условием: одну тут, а вторую - в клубе.

- Ты своими шуточками жизни меня лишишь, - явно повеселевшим голосом изрек Владимир. - Так сколько всего гусынь?

Вторую бутылочку тройца раздавила быстренько и со вкусом.

- Ну что, пойдём народ пытать? - спросил Кутузов, немного осоловевший.

В помещение клуба они вошли победителями. Ярко блестящие глаза, высоко поднятые головы и резкие движения рук выделяли их среди остальных аборигенов.

- Кто причастится желает? - медленно спросил Николай, размахивая «гусыней».

- Бесплатно, как на Курском вокзале в столице нашей белокаменной во время обеденного перерыва, - произнес набор слов охмелевший киномеханик. - Или как?

- Подходи, люд добрый, приобщись к прелестям мирским нашим, - Николай нес в массы радость, держа в левой руке стакан, а в правой - бутылку вина.

Паники и нервоотрепки было гораздо меньше, когда "Титаник" медленно уходил под воду, нежели в деревенском клубе при распитии бутылочки краснухи.

- А мне? - обиженно промямлил подоспевший дед Чалдон.

- А тебе по губе, - заржал Николай. - У полководца попроси.

- А где остальные водоплавающие? "Гусыни" остальные где? - медленно спросил мужик, которому досталось совсем немного вина. - Не забудьте про меня, налейте еще стаканчик!

- Больше нету, - отрезал Владимир. - Это Кутузов из Новореченска привез. Вам на радость.

Эти слова повергли мужиков в уныние. Гробовая тишина воцарилась в клубе, было слышно, как шальная муха, выходя из крутого виража, врезалась в лоб деда Чалдона. С почти летальным для себя исходом. Впрочем, в эту печальную минуту отважный поступок насекомой твари никто не заметил.

Словно в солидарность с такой несправедливостью потоками дождя полил крупный дождь.

- Я все понял, - тихо произнес Федор, в любую погоду с изыском носивший черные усы. - Еду в Новореченск. Кто хочет испить винца красного, должен быть тут через десять минут. Я прицеплю к трактору прицеп. Всем взять деньги. Бесплатно угощать я не намерен никого.

В мгновение ока мужики высыпали из клуба и устремились к своим домам.

- У вас десять минут! - эхом разносился по деревне звонкий голос тракториста.

Какой же длинной показалась мужичкам дорога к родному дому ...

С трудом вытаскивая сапоги из грязи, они были вынуждены пойти на многое - даже бросить курить во время марш-броска.. И совсем плохи оказались дела у деда Чалдона, потерявшего в глубокой луже правый сапог. Но стоило ли обращать внимание на такие мелочи в столь судьбоносные минуты жизни...

Трактор “Беларусь”, к которому был прицеплен большой прицеп, монотонно урчал сильным движком. Под проливным дождем тракторист Федор стоял на крыльце клуба и смотрел на часы.

- Поехали, сколько стоять можно? - ныли мужики из прицепа. - У нас портки все мокрые. Поехали, Федя!

- Я слово дал людям - ровно десять минут. Ждем еще одну минуту, а кто не успел - я не виноват.

Припозднившиеся мужички забирались в прицеп, стараясь поудобнее расположиться в нем, сидя на корточках.

- Старт дан! - скомандовал Федор, и тотчас, выбрасывая в небо черные клубы дыма, пассажирский транспорт взял курс на Новореченск.

Опоздавшие мужики, а таких через пять минут оказалось более дюжины, посылали с сторону удаляющегося трактора страшные проклятия и угрозы. “Да что бы я тебе, черт усатый, когда-либо помог... Да ни в жизнь... Теперь попроси у меня чего-либо... Да ни в жизнь...”

Но более всех на Федора был сердит тракторист Степан. А все потому, что теперь, хочешь или нет, а ему надо идти заводить свой трактор, А это значило одно - ограничение в приеме виноградной сладости. И оттого было слишком обидно.

Опоздавшим оказался и Николай. Недопустимо долго пришлось ему уговаривать жену денежку дать. “Зачем тебе деньги? На водку? Не дам, сказала, не дам”.

И свое слово сдержала – не дала денег мужу.

Пришлось Николаю занять деньжат у добрых людей, оставшихся на белом свете в небольших количествах.

И понять его, бедолагу, совсем нетрудно - винца Николай давненько не пил, ведь уборка урожая была, а в это время спиртное всегда из продажи исчезало, словно по чьей-то невидимой команде.

- Значит, други мои, делаем так. Сколько тут нас, обиженных, осталось? - громко спросил Степан. - Иль нет желающих алкоголю вовнутрь принять?

- Много нас, много, - хором отвечали злые мужики. - Нам помочь надо.

- Хорошо, поедем на моем тракторе. Прицеплю два прицепа. У всех деньги на руках, никто потом в долг кланчить не будет?

- Никто, никто! - проревела толпа. - Себя сами угощать будем!

Спустя минут двадцать дизельный трактор, вгрызаясь гусеницами в израненную землю, потащил за собой два прицепа, полностью набитые счастливыми мужиками, в край светлых ожиданий.

Поумерил свой пыл дождичек, вдали над горизонтом промелькнуло сонное солнышко, засобиравшееся на ночной покой.

Люба, жена Николая, к этому времени привела с поля теленка, напоила его теплой водой; загнала в летний сарайчик коз с козлятами, подоила корову и отнесла молоко в погреб.

Намокший плащ казался ужасно тяжелым, а резиновые сапоги - совсем неподъемными.

Люба вошла в дом, сняла с себя мокрые вещи, переобулась. Не было сил шевелиться. Сильные руки вздрагивали в такт ударам сердца “И где его черт носит? - подумала она о муже. - Уже ужинать пора”.

Она включила телевизор и нехотя присела на стул. Передавали областные новости. Незаметно для себя она закрыла глаза и задремала.

- Тетя Люба, тетя Люба! - ее разбудил звонкий детский голос, доносившийся с улицы. - Идите к клубу, заберите дядю Колю!

- А что с ним? Почему он сам не идет домой? – открыв окно, с тревогой спросила она.

- Он немного перенедонапился, сам дойти не может.

Проклиная мужа, женщина медленно обула сапоги, нацепила на себя мокрый плащ и вышла во двор. “Если дойти не может, значит, надо брать тележку, - решила она. - Знамо дело”.

Струи дождичка под лучами полуслепых ламп, кое-где висевших на столбах, были похожи на серебряные струны. Куда ставить ноги, чтобы не оказаться в глубокой придорожной яме, в темноте было не разобрать.

Тяжело дыша, Люба медленно катила за собой тележку на двух железных колесах, лишь изредка останавливаясь, чтобы передохнуть.

И только там, в центре деревни, у клуба, жизнь была ключом: сновали люди, стоял сплошной крик и веером клубились ядерные матерные слова.

Возле столба, на вершине которого одиноко плакала полудохлая лампочка, стоял трактор с прицепом. Задняя дверца прицепа была открыта.

- Вы там не перепутайте мужиков, только своих берите! - стоя на крыльце клуба, командовал Федор. - Я завтра сам поутру проверю!

Люба подкатила свою телегу вплотную к прицепу, сняла с себя плащ и с трудом забралась на прицеп.

- Спички есть у кого? - спросила она. - Ничего не видно.

- Ты по запаху, по запаху мужичка своего определяй, лебедь белая, - участливо посоветовал Федор.

Люба в темноте споткнулась о лежащего на боку мужика и больно ударилась головой о борт прицепа. Она поочередно переворачивала лицом вверх мужиков, пытаясь найти своего мужа. Но в темноте, вымазанные землю, в одинаковых плащах, мужики были все на одно лицо.

- Да помогите же кто-нибудь! - попросила Люба, когда волоком подтащила к краю прицепа Николая. - Помогите на тележку перетащить!

Гурьбою, чертыхаясь и наступая друг другу на ноги, женщины перенесли бездыханное тело Николая на тележку.

- Ты того, не вздумай его в канаву выбросить! - загоготал Федор. - Он еще тебе пригодится!

Люба оттащила тележку немного в сторону, одела плащ и беззвучно заплакала.

- Ты чего остановилась? - обратился к ней Федор. - Я че, до утра тут мужиков бесплатно раздавать буду? У меня, может, тоже свои мысли есть на этот счет.

Дорога до дома показалась Любе целой вечностью. От бессилия и усталости закончились слезы, не было сил злиться на мужа.

Закатив тележку во двор, она снова сбросила с себя тяжеленный плащ и, перехватив мужа поперек тела, занесла его в дом. Села на стул. От усталости дрожали руки, ныла поясница, раскалывалась больная голова.

Она нехотя встала и включила свет.

От яркого света она опустила голову вниз и подошла к лежащему на полу мужу, из-под которого вытекал небольшой ручеек. Люба опустила перед мужем на колени. “Обоссался...”, - определила она по едкому аммиачному запаху.

Женщина перетащила мужа на сухое место и перевернула его на спину.

И только теперь она увидела, что это был не ее муж, а сосед, через три дома, Петр Кашин.

По каторжной дороге, в сторону клуба, Люба катила за собою пустую повозку.

А возле клуба теперь было по-настоящему хорошо и весело: размахивая руками и ругаясь трехэтажным матом, несколько женщин гурьбой пытались поймать Федора, потому как не нашли в прицепе своих мужей.

- Я предупреждал вас, лебеди стриженные, не берите мужиков про запас. Ежели по два-три мужичка каждая из вас под шумок, на всякий случай, домой свезет, то, конечно, многим из вас мужичков не достанется, - увертываясь от тумачков, бегал вокруг трактора Федор.

Люба стояла у тракторного прицепа, безучастно наблюдая за хороводом.

- Да вон еще чуток везут ваших супругов! - делая ударение на последнем слоге и с трудом увертываясь от ударов разъяренных женщин, Федор указал бабам в сторону Новореченска. - Для тех, кому с моего транспорта с первого раза не досталось. Становись в очередь за доставляемым товаром!

И где-то там, за пригорком, блеснули фары, а затем послышался надрывный рев мотора дизельного трактора. Выписывая невероятные кренделя и повороты, трактор медленно приближался к деревне.

- Становись в очередь, получай свою радость! Брать только по одному мужичку, при чем только своих, потому как лишних мужчин у нас не имеется, - командовал Федор.

- Скучно, скучно жить на этом свете, особенно в дождливую погоду да на трезвый разум ученый при бесспорном наличии такового, - одиноко ползая на четвереньках в клубе между стульями в поисках потерянного правого сапога, здраво рассуждал дед Блин.

Занятые своими неотложными делами и мыслями, сельчане с ним и не спорили.